

О ПРИНЦИПАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В ГРАММАТИКЕ*

Статья посвящена принципам классификации грамматических единиц языка. Рассматриваются принципы грамматической классификации: функциональности, коммуникативности, интегративности, системности, позитивности, полноты, синкретичности, открытости и структурной релевантности.

Ключевые слова: функциональная грамматика, классификация грамматических единиц, принципы грамматической классификации.

1. Функциональные характеристики языковых единиц зачастую представляются как окказиональные, находящиеся за пределами системы языка. Термин *функционирование* поэтому противопоставляется термину *языковая система*. Посвященный Н. Ю. Шведовой юбилейный сборник так и называется — «Язык: система и функционирование» (Москва, 1988). Ничего удивительного, что функциональный аспект естественных языков долго время находился на периферии описательной лингвистики.

Однако в 70-е и особенно в 80-90-е годы XX в. функционализм глубоко проникает в методологию лингвистической науки. С одной стороны, это воплощается в появлении нового объекта языкознания — текста, и новой дисциплины — грамматики текста. М. И. Откупщиковой принадлежит программное утверждение о том, что связный текст является «естественно функционирующим объектом лингвистического исследования» [Откупщикова 1978, 49]. С другой стороны, функциональная грамматика показала (и доказала), что функции носят не только окказиональный, речевой характер, но представляют собой неотъемлемую часть системы языка и выступают в качестве важнейшего фактора категоризации языковых единиц.

2. Система языка основывается на существенных содержательных (функциональных) и формальных признаках его элементов разного формата: фонем, морфем, лексем, предложений. Благодаря парадигматическим отношениям между единицами в языке образуются классы, или категории. Каждый класс может быть определен тремя способами:

- а) терминальным (экстенсивным) — перечислением всех входящих в него компонентов;
- б) дескриптивным — указанием на общий для всех элементов характеристический признак или признаки;
- в) прототипическим — указанием на основной, типичный элемент (экземпляр) множества.

Независимо от способа классификации, должны быть определены основные принципы научной типологии грамматических единиц (не только в парадигматическом, но и в синтагматическом аспекте, хотя в данной работе мы займемся, главным образом, первым). Одна из целей такого обобщения состоит в том, чтобы усовершенствовать механизм деления «грамматикона» на классы, категории, группы, разряды, типы, кортежи и т.д. в зависимости от их функциональных, т.е. семантических, синтаксических и прагматических признаков,

* Данная статья написана в рамках научного проекта, финансируемого немецким фондом “Alexander von Humboldt – Stiftung” (Bonn). Автор выражает также сердечную благодарность директору Института славистики Рурского университета в Бохуме проф. Хельмуту Яхнову за предоставление возможности получать научную информацию в библиотеках одного из лучших университетов современной Германии.

чтобы превратить простую таксономию языковых фактов (а механистический подход к лингвистическим классификациям критиковал еще Л. В. Щерба) в надежный инструмент познания языка и речи.

3. Принцип функциональности заключается в том, что в основе классификации частей речи (как и других лексических классов) должны лежать функции слов (в более широком аспекте — номинативных единиц языка, т.е. морфем, лексем, синтагм) в составе больших по формату коммуникативных единиц — высказывания и текста.

Избежать функционального принципа классификации в грамматике довольно сложно, поэтому даже те грамматические классификации, которые квалифицируются как формальные, в сущности, являются формально-функциональными или функциональными: в качестве основания единства классов и категорий всегда рассматриваются не только грамматические формы, но и грамматические значения. В качестве примера может служить заслуживающий внимания опыт грамматической классификации немецкого слависта С. Кемпгена [Kempgen 1981].

Отношение плана содержания и плана выражения в грамматике носит диалектический характер: на уровне слова грамматическое значение выступает как функция соответствующей морфемы, а на уровне предложения грамматическое значение — уже элемент плана выражения. Поэтому лексическая классификация, в основе которой лежат грамматические значения, носит очевидный функциональный характер, что, например, подчеркивают авторы академической польской грамматики [Gramatyka 1984: 30-37, 101ссл.].

Реализация функциональной грамматической классификации частей речи встречается на практике с многими сложностями. Первая из них — проблема грамматического описания аналитических языков. Грамматика (морфология) представляет собой, как уже указывалось, наиболее стабильный, но при этом наименее обязательный уровень языка: трудно было бы отказаться от фонетики, от лексики или от синтаксиса, но морфология как инвентарь «технических» средств передачи языковой информации во многих языках отсутствует [Кацнельсон 1972: 104-105; Леонтьев 1979: 31]. Правило «Нет слов без корня, но есть слова без аффиксов» верно и по отношению к синтетическим языкам, в которых имеется часть нефлективных, грамматически неизменяемых слов. Использовать грамматический критерий для частеречной классификации таких единиц, естественно, невозможно.

Грамматическая классификация встречается и с некоторыми «техническими» проблемами. Как, например, мы должны поступить с лексемами *сальто*, *колибри*, *киви*, *какаду*, *дерби* и т.п., которые фактически не имеют материальной словоизменительной парадигмы? С морфологической точки зрения у нас нет оснований, чтобы рассматривать подобные слова как существительные. В идеальном случае при грамматическом подходе каждая часть речи должна быть соотнесена с множеством грамматических категорий, например:

Но картину усложняет проблема неполных (как в случае с *киви*) парадигм, а также проблема бивалентности: одна и та же лексическая единица (как и группа лексических единиц) может обладать одновременно признаками нескольких грамматических классов (в этом случае мы имеем дело с так называемыми гибридными категориями).

Для решения подобных спорных вопросов К. Бринкманн [Brinkmann 1962: 114] предложил довольно простое решение: нужно ориентироваться на те признаки, которые присущи данному и только данному классу. Так, по мнению ученого, сущность прилагательных в немецком языке заключается в том, что они (и только они) обладают грамматическими значениями категории степени. Можно возразить, что сказанное верно и по отношению к наречиям. С другой стороны, семантика степени может сопровождать употребление глаголов, ср. нем.:

Du solltest dich mehr schonen — Ты должен был больше беречь себя.

Причастия (в немецком, как и в русском) лишены морфологически выраженной категории степени, зато, напротив, для них характерны прототипические категории глагола — вид, время, залог, что давало бы основания для рассмотрения причастий как субкласса внутри глагольной парадигмы.

Однако отметим, что выделение дифференциальных, прототипических, «меченых» категорий не снимает всех проблем грамматической классификации. Например, данный подход не приемлем для числительных или местоимений, которые, видимо, таких категорий лишены.

Другую концепцию грамматической классификации слов по частям речи предложил немецкий славист С. Кемпген [Kempgen 1981]. В качестве классификационного признака он избирает характер словоизменительной парадигмы, которую Кемпген называет содержательной (Inhaltsparadigma). Содержательную парадигму нельзя отождествлять с грамматической категорией — она представляет собой объединение грамматических значений и категорий, которые реализуются разными формами слова. Кемпген выделяет 24 такие парадигмы. Например, первая парадигма основана только на одном общем признаке — падежном. Ее составляют числительные *пять* и т.д. (сюда же относятся лексемы *сколько, столько, несколько, полтора* и др.) [Kempgen 1981: 186-187]. Другую парадигму составляют лексемы, словоизменительные характеристики которых регулируются категориями падежа и числа; сюда относятся личные местоимения 1-го и 2-го лица. В третью парадигму входят личные местоимения 3-го лица, которые выражают грамматические категории падежа, числа и (в единственном числе) рода. Традиционным существительным соответствуют парадигмы 5-7 с характеристиками: падеж, число, род. Не представляется возможным более или менее подробно характеризовать все выделенные Кемпгеном содержательные парадигмы, поэтому представим их, как это делает и сам автор, в таблице 1 [Kempgen 1981, 230].

Обратим внимание на то, что перечень и содержание парадигм не бесспорны. Так, несклоняемые существительные относятся к парадигмам 8-10, их характеризуют признаки [+мужской род], [+женский род], [+средний род]. Это кажется странным, ведь у несклоняемых существительных нет морфологических показателей рода, а если уж для них фиксируются родовые грамматические значения, то почему тогда не фиксируются соответствующие значения категории падежа и числа? Вне рассмотрения оказываются наречия, которым может быть поставлен в соответствие признак категории степени. В системе Кемпгена не нашлось места для обобщающих, отрицательных, неопределенных, относительных, притяжательных, указательных местоимений, ведь с грамматической точки зрения они не тождественны ни существительным, ни личным местоимениям, ни прилагательным.

Выделенные содержательные парадигмы, однако, еще не являются частями речи. Кемпген идет дальше. Учитывая различие классификационных и реляционных грамматических категорий, он использует специальный алгоритм, позволяющий определить дистанции между отдельными парадигмами [Kempgen 1981: 234]. Иногда эти дистанции противоречат нашим сложившимся интуитивным представлениям о частях речи, например,

интервал между числительными и местоимениями 1-го и 2-го лица оказывается меньше, чем интервал между существительными мужского, женского и среднего рода.

Таблица 1

Признаки Объекты		Падеж	Число	Род			Степень	Род глагола	Возвратность		Вид	Лицо	Наклонение	Время
				Мужской	Женский	Средний			Возвратность	Невозвратность				
1	Числит., местоимения	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	я/мы, ты/вы	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	он/она/оно/они	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
4	два, оба	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
5	Склоняемые существительные	муж. род	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6		жен. род	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
7		ср. род	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
8	Несклоняемые существительные	муж. род	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9		жен. род	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10		ср. род	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
11	Прилагательные	долгие	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
12		краткие	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
13	Без грамMAT. признаков	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Инфинитивные парадигмы	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-
15		-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-
16	Парадигма наст. времени и повелит. наклон.	-	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+
17		-	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	+	+
18	Парадигма прошедшего времени	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+	-	+	+
19		-	+	+	+	+	-	+	-	+	+	-	+	+
20	Герундий	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+
21		-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	+
22	Причастные полные формы	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	-	-	+
23		+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	-	-	+
24	Краткие причастия	-	+	+	+	+	-	+	-	-	+	-	-	+

Но и это еще не все. Содержательные парадигмы и дистанции между ними — лишь предварительный этап определения частей речи. На заключительном этапе отдельные парадигмы, характеризующиеся наименьшими интервалами, объединяются в группы, группы (по тому же принципу) — в мезогруппы, те в свою очередь — в макрогруппы, до тех пор пока объединение не достигнет своей высшей точки — уровня мегагруппы [Kempen 1981: 239] (см. рис. 1; вертикальная шкала отражает степень подобия, а горизонтальная —

приведенные в таблице 1 порядковые номера содержательных парадигм.).

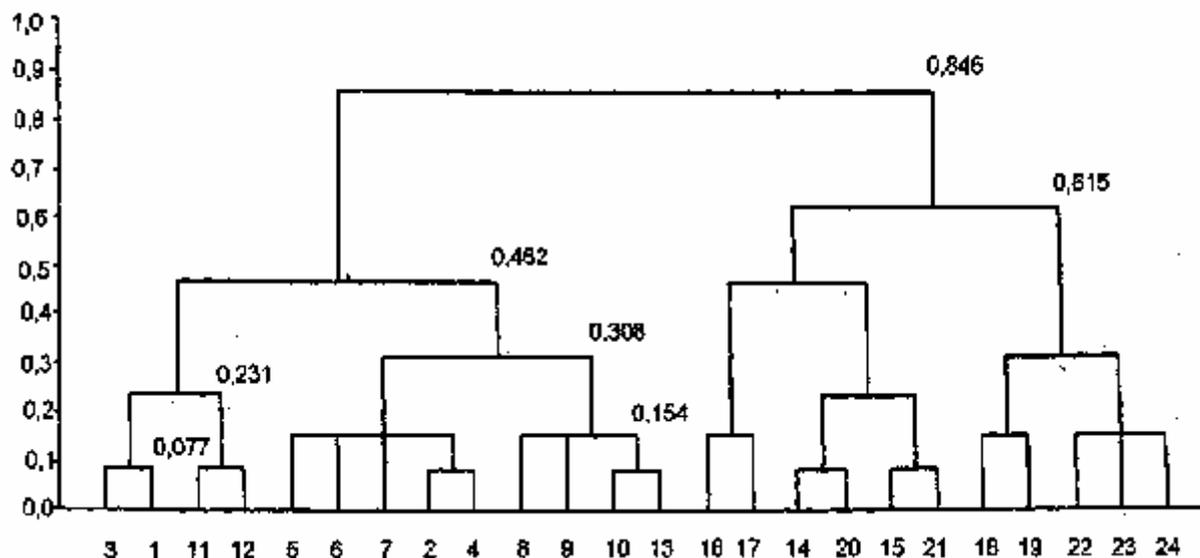

Рис. 1

Определение границ между частями речи зависит от того, какая степень подобия будет принята за достаточную, чтобы отдельные содержательные парадигмы воспринимались как части речи. Если условиться, что эта степень равна 0,5, выделяются три части речи, если считать, что она равна 0,25 — семь частей речи, если равна 0,20 — девять частей речи. С. Кемпген в качестве оптимального принимает коэффициент близости 0,4, что позволяет выделить пять частей речи [Kempgen 1981: 254]:

- 1) (парадигмы 1-4): класс с признаками [-вид] [-род глагола] [+род]
- 2) (парадгмы 5-13): класс с признаками [-вид] [-род глагола] [-род]
- 3) (парадигмы 14-15): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [-род] [+число] [+лицо] [+наклонение]
- 4) (парадигмы 16-19): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [+род] [-число] [-лицо] [-наклонение]
- 5) (парадигмы 20-24): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [+род]

Третий, четвертый и пятый классы охватывают глаголы: инфинитивные, личные и именные формы. В первом классе объединены числительные и личные местоимения. Второй класс выделяется, скорее, как остаточный — никаких положительных признаков у него нет.

Достоинством классификации С. Кемпгена является объективный, количественный подход, независимость от традиционной классификации (Кемпген критикует подход А. Е. Супруна [1971], который, по его мнению, «подгоняет» свою «вероятностную» классификацию частей речи под традиционную). С другой стороны исходное множество содержательных парадигм у Кемпгена не полно, из-за чего все дальнейшие скрупулезные расчеты в какой-то степени теряют смысл, а вся модель в целом воспринимается, скорее, лишь как опыт морфологической классификации — пример того, как подобная классификация могла бы выглядеть в результате применения количественного метода. Различая категории рода имени и рода глагола (*Genus — Genus Verbi*), Кемпген априорно исходит из существующей оппозиции имени и глагола, т.е. традиционная классификация оказывается частично заложена в исходных определениях грамматических признаков.

В классификации Кемпгена непривычно то, что выделенные алгоритмическим способом части речи содержат разнородные по грамматическим признакам единицы. Поэтому имеет смысл, используя определенные Кемпгеном грамматические признаки частей речи, упорядочить все классы, как это показано на рис. 2.

Некоторые оппозиции выглядят бесспорными, например, противопоставление «видовых» и «невидовых» частей речи, «родовых» и «неродовых» глаголов. Но остается неясным, почему личные и именные формы глаголов различаются по числу, почему личным местоимениям приписывается категория рода.

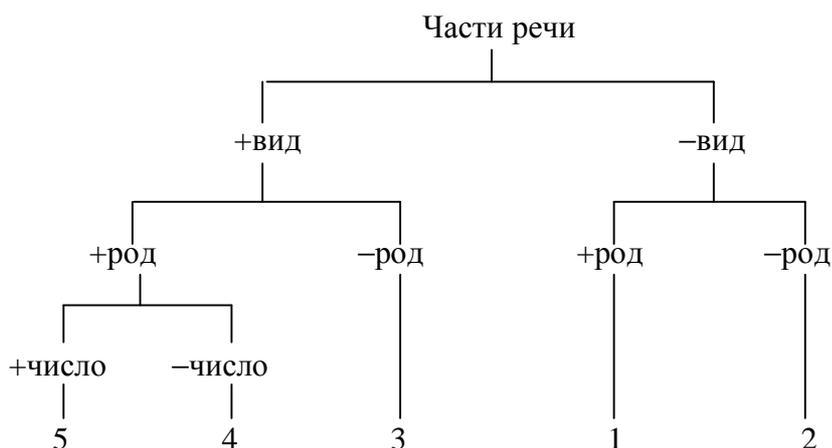

Рис. 2

Принципиальное возражение вызывает использование отрицательных дифференциальных признаков. Если при описании отдельных единиц языка принцип построения привативных оппозиций, где один компонент является положительно, а другой — отрицательно маркированным, представляется полезным и обоснованным, то вряд ли он может быть использован при определении классов. Языковая категория должна обладать самостоятельными позитивными характеристиками (см. далее). С. Кемпген определяет вторую часть речи в своем списке как категорию слов, лишенных признаков вида и рода. Такое определение оказывается уязвимым и с «технической», и с содержательной точки зрения: в эту группу можно поместить не только существительные и прилагательные, но и огромное количество грамматически неизменяемых служебных слов — наречий, предлогов, союзов, частиц. Грамматические признаки единиц данного класса оказываются настолько разнородными, что сам класс теряет функциональную значимость, становится непригодным для лингвистического анализа, ведь указание на часть речи в этом случае дает весьма слабое представление о ее единицах.

Выше подчеркивалось, что функциональная характеристика настолько важна для понимания сущности той или иной единицы, настолько от нее не отделима, что в принципе трудно построить языковую классификацию, которая не имела бы функционального содержания или хотя бы некоторых черт функциональности. Задача поэтому состоит не в том, чтобы предпочесть функциональную классификацию нефункциональной, а в том, чтобы выбрать такой ракурс описания, который позволял бы отразить функциональные свойства конкретных лингвистических объектов в наиболее полном объеме и в наиболее оптимальной научной модели.

4. Э. Косериу, который считает, что проблема частей речи может быть решена только с функциональной точки зрения, подчеркивает, что части речи никоим образом нельзя трактовать как лексические классы — во-первых, потому, что единицы разного формата —

морфемы, лексемы, синтагмы, высказывания, в одном и том же языке, а тем более в разных языках по своим функциональным признакам могут быть идентичны [Coseriu 1987: 27; подобная идея лежит в основе известной теории И. А. Мельчука «Смысл \leftrightarrow текст»). Во-вторых, в основу классификации частей речи должны быть положены категориальные значения — общие семантические функции, свойственные единицам разного формата. В-третьих, считает Э. Косериу, части речи нельзя определить только на уровне системы языка [Coseriu 1987: 34]. В связи с этим можно сформулировать второй принцип грамматической классификации — принцип коммуникативности: критерием выделения частей речи должны быть функции некоммуникативных единиц языка в составе коммуникативных, причем коммуникативные единицы понимаются не как абстрактные синтаксические модели (структурные схемы), а как конкретные высказывания — реальные единицы информационного обмена в конкретных речевых актах.

5. С данным принципом связан принцип интегративности: в основе классификации частей речи должна лежать многоаспектная структура речевого акта, все многообразие компонентов коммуникативной и референциальной ситуации: обстановка и сцена, участники, эффект, ход действия, ключ, инструментарий, нормы, жанры и т.д.

6. Принцип системности означает, что базу для классификации должна составлять системная функциональная модель коммуникативных единиц языка (высказывания и текста). Только имея упорядоченный реестр функций целого, можно понять предназначение его элементов и только при этом условии можно рассчитывать на сколь угодно удовлетворительное, релевантное и логически непротиворечивое функциональное описание языка.

7. Принцип позитивности исключает использование в классификации отрицательных признаков типа 'не обладает свойством А'. Привативная оппозиция (т.е. оппозиция положительно и отрицательно маркированных единиц) должна быть исключена из области функциональных классификаций, потому что отрицательная характеристика не дает никакого представления о том, какую позитивную роль играет тот или иной компонент в системе, для чего он предназначен. Так, выделение «остаточных классов» (не обладающих ни одним из применяемых в классификации признаков) А. Пейер считает недостатком многих классификаций [Peyer 1997: 64]. Например, типичным остаточным классом считается наречие, которое иногда определяется как не-существительное, не-глагол и не-прилагательное [Braunmüller 1985: 300; Glinz 1971: 230]. Высказывается, однако, и иная точка зрения, согласно которой только наречия обладают единой, характерной только для них синтаксической функцией — обстоятельственной [Wortarten 1992: 16-17]. Принцип позитивности, разумеется, исключает какие бы то ни было остаточные классы.

8. Принцип полноты следует понимать как стремление к максимальному охвату первичных элементов классификации. Именно неполнотой описания страдают многие морфологические и лексико-семантические описания. Напротив, классификации, построенные по функционально-синтаксическим признакам являются более полными, потому что этот аспект содержания языковых знаков универсален: нет знаков, которые бы не выполняли в речевом сообщении ту или иную (семантическую, синтаксическую или прагматическую) функцию.

9. Принцип синкретичности обусловлен тем, что количество функций превышает число специализированных для выражения той или иной конкретной функции парадигматических классов. Идеальной представлялась бы ситуация, в которой каждой функции соответствует отдельный формальный класс (и наоборот). В реальности же одному

классу может соответствовать несколько функций, точнее, единицы одного формального класса могут быть многофункциональны.

Противники функционально-семантических классификаций обычно ссылаются на то, что в силу многозначности (полифункциональности) языковых единиц функция не может быть использована в качестве дифференциального признака, иначе будут получены нечеткие, пересекающиеся классы [ср.: Kempgen 1981: 51]. Но многозначность в классификации нередко возникает, напротив, оттого, что функции языковых единиц представляются в сильно сокращенном, «урезанном» виде. К примеру, если в основу лексической классификации положить традиционную систему членов предложения, то, действительно, полученные парадигматические классы будут многозначны, ведь у существительного будет и функция подлежащего, и функция сказуемого, и функция дополнения, и функция определения, и функция обстоятельства. Но причина этой неоднозначности в том, что члены предложения плохо, недостаточно полно отражают синтаксические функции. Проблема многозначности классов представляется нам, скорее, искусственной: она возникает потому, что функции просто-напросто плохо эксплицированы и плохо определены. В связи с этим иногда возникает синдром «ноль-семьи» — когда при недостаточном наборе функций некоторые классы вообще не выделяются.

В действительности же проблема имеет обратный ракурс: количество языковых и речевых функций так велико, что никакая естественная парадигматика принципиально не способна отразить этого многообразия в виде системы соответствующих классов и субклассов (что было бы связано с перегрузкой долгосрочной памяти). Поэтому во всех естественных языках в силу закона экономии языковых и речевых усилий распространено явление синкретичности знака: в каждом речевом употреблении знак одновременно реализует несколько функций. Степень синкретичности варьируется в зависимости от синтетического и аналитического типа языка; наиболее сильна она в фузийных синтетических языках (о чем писал еще Г. Пауль).

С учетом принципа синкретичности совершенно естественным выглядит включение одного и того же знака в несколько функциональных классов. Например, личные местоимения выражают синтаксическую функцию аргументов высказывания («предмет, который») и семантическую функции определенности («известен как идентифицируемый с одним из активных или пассивных участников речевого акта»). Отдельные парадигматические классы при таком подходе выделяются, во-первых, по совокупности присущих им функций, во-вторых, по наиболее типичным для той или иной совокупности знаков, прототипическим функциям.

10. Принцип открытости означает, что классификация не может представлять собой дихотомию или множество дихотомических цепочек с жестко детерминированной структурой. Напротив, классификация должна допускать модификацию отдельных своих звеньев, не изменяющую ее структуры в целом. Открытость парадигматической классификации отвечала бы открытой природе языковой системы, которая активно взаимодействует со своей средой. Кроме того открытость позволяет постоянно уточнять классификацию, не перекраивая ее целиком. При этом сохраняется преимущество научного описания: совершенствуя тот или иной участок системы, исследователь продолжает работу, начатую предшественниками, избавляется от необходимости при каждом появлении новой информации разрабатывать очередную классификацию.

11. Важнейшим принципом парадигматической классификации является принцип структурной релевантности: отношения функциональных классов должны отражать не субъективные предпочтения исследователей, а объективные структурные характеристики номинативных и коммуникативных единиц. В сущности, здесь речь идет о единстве референциального и дистрибутивного подходов, о чем писал выдающийся

польский грамматист Ц. Перникарский [Piernikarski 1990: 32]. Игнорирование имманентно-структурных свойств языковых знаков приводит к серьезным лингвистическим заблуждениям. Так, в рамках реистического подхода кванторные слова (в частности, обобщающие, неопределенные и отрицательные местоимения) не выделяются как отдельный функциональный класс, а ошибочно рассматриваются вместе с детерминаторами денотативного статуса, или операторами референтности существительных [см. обзор: Киклевич 1998б: 62-67], т.е. такие разные по содержанию единицы, как *этот, он, кто-то, любой, каждый, никто* и др. в лингвистической модели не различаются. Неправильность такой трактовки очевидна, ведь референтные и кванторные операторы вступают в отношении контрастной дистрибуции [Киклевич 1998а: 11; 1998б: 65], ср.:

все ее статьи
все предшествующие события
все в это время года
каждый такой поступок

Контрастная дистрибуция как раз и возможна благодаря тому, что в одном синтагматическом контексте встречаются единицы с разной категориальной семантикой — качественной (*ее, предшествующие, в это время, такой*) и количественной (*все, некоторые*). Если бы в одной группе сочетались единицы одной функциональной категории, это противоречило бы языковой системе, ср.:

**все некоторые статьи*
**каждый любой поступок*
**большие маленькие шары*
**предшествующие теперешние события*
**пять сто человек*

Контрастная дистрибуция, таким образом, свидетельствует о том, что некоторые, присутствующие в одном синтагматическом контексте единицы не принадлежат к одной и той же функциональной категории.

Дополнительная дистрибуция (или субституция), напротив, представляет собой позитивную характеристику — она указывает на единицы, которые относятся к одной категории. Рассмотрим выражения:

**все некоторые условия*
**все быстро условия*

Контрастной дистрибуции, а именно — информации о том, что данные единицы не соподчиняются (по Ю. Д. Апресяну — не совместимы по отношению к некоторому третьему компоненту), недостаточно для того, чтобы отнести лексемы *весь, некоторый, быстро* в один парадигматический класс. Собственно, то же наблюдается в фонологии, где контрастная дистрибуция (фонологическая оппозиция) свидетельствует лишь о том, что данные звуки являются реализациями разных фонем. Но — каких фонем, можно узнать только с помощью дополнительной дистрибуции, рассмотрев ту же сигнификативную функцию в сильной позиции. Из оппозиции [рас] — [рак] следует только то, что [к] и [с] относятся к разным фонемам. Но звук [с] может быть и вариантом фонемы <с>, ср.: *раса*, и вариантом фонемы <з>, ср.: *(два) раза*, что устанавливается уже с помощью дополнительной дистрибуции.

Аналогичная ситуация наблюдается и при функциональной классификации слов: если две лексемы с разными значениями могут быть взаимозаменяемы в одной синтаксической позиции, то они могут быть отнесены к одному функциональному классу, ср.:

все условия – некоторые условия

*все условия – *быстро условия*

Это позволяет провести частную лексическую типологию:

<i>все</i> <i>некоторые</i> ...	<i>быстро</i> ...
---------------------------------------	----------------------

Принципу структурной релевантности подчинен также трансформационный метод. Он состоит в том, что элементы одного и того же класса должны иметь одинаковые синтагматические преобразования. К примеру, известно, что результатом отрицания большого квантора являются выражения с малым квантором, и наоборот:

Не все картины оказались интересными — Только некоторые картины оказались интересными.

Неправда, что только некоторые картины заслуживают внимания — Все картины заслуживают внимания.

Это отношение взаимоотрицаемости может выражаться противительными союзами *но*, *а*, например:

Не все, а только некоторые картины оказались интересными.

Для всех единиц, отрицание которых равнозначно малому квантору, верно, что они относятся к субкатегории абсолютной квантификации, т.е. указывают на то, что рассматриваемое множество объектов участвует в ситуации в полном объеме. Естественно, верна и обратная зависимость:

Не только некоторые, но все участники собрания поддержали нового директора.

Это правило, однако, не срабатывает применительно к ряду неопределенных местоимений, которые выражают не количество, а неопределенность, ср. высказывание:

В коридоре стояли какие-то люди.

Введем отрицание рематической части высказывания *какие-то люди*:

Неправда, что в коридоре стояли какие-то люди.

Отрицанию в этом случае нельзя приписать общекванторную семантику, т.е. трактовать *неправда, что какие-то люди* как *все люди* или *никто из людей*. Результатом отрицания в этом случае является семантика определенности:

Неправда, что в коридоре (стояли &какие-то люди — в коридоре &стояли (соседи.

Это свидетельствует о том, что механическое, безусловное толкование всех неопределенных местоимений как кванторных, широко распространенное в современной лингвистической литературе по семантике [см. подробный анализ: Киклевич 1994: 46; 1998б: 50-52], является глубоко ошибочным, потому что таксономическая общность неопределенных и обобщающих местоимений в этом случае не подтверждается объективными семантическими трансформациями.

12. Трансформационный критерий состоит также в том, что единицы одного и того функционального класса преобразуются в однотипные формулы одного из языков символической логики, т.е. получают общую метаязыковую интерпретацию. К примеру, лексемы *дверь*, *окно*, *стена*, *потолок* могут быть истолкованы по образцу: ‘предмет, который является дверью (окном, стеной, потолком)’ или ‘предмет, который

обладает свойством быть дверью (окном, стеной, потолком)’. При этом предполагается, что носители языка способны идентифицировать предмет по указанному свойству, т.е. свойства ‘быть дверью’, ‘быть стеной’, ‘быть окном’, ‘быть потолком’ и т.п. дифференцируются благодаря более частным содержательным компонентам. Символически, на языке логики предикатов подобные выражения можно отразить в формуле:

$$x \\ Q(x)$$

Формула означает: ‘Предмет/объект x , такой, который обладает свойством Q ’. Все выражения естественного языка, которые преобразуются в эту формулу, можно отнести к одному и тому же семантическому классу, который в значительной степени соответствует традиционным существительным, категориальная семантическая функция которых состоит в том, что они выступают как аргументы пропозиции — предметные имена. При этом можно различать предметные аргументы (типа *дверь*) и ситуативные (типа *поездка*), хотя принцип их определения одинаков, ср.: *поездка* = ‘ситуация, такая, которая обладает свойством [ехать]’. Различие предметных и ситуативных аргументов заключается в том, что первые указывают на виртуальное свойство множества предметов, которые находятся в отношении сходства, ср.: ‘Быть дверью есть основание виртуального единства (т.е. сходства) предметов $a, b, c, d... n$ ’. Ситуативные аргументы указывают на линейное свойство множества предметов, которые находятся в отношении контакта, ср.: ‘Быть поездкой (ехать) есть основание линейного (актуального) единства (т.е. взаимодействия) предметов a — пассажир, b — дорога, c — транспорт’. Различие между предметными и ситуативными именами также можно отразить символически (трансформационно):

ОСНОВАНИЕ (Свойство A , СХОДСТВО $\{a, b, c, d... n\}$)

ОСНОВАНИЕ (Свойство B , ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ $\{a, b, c, d... n\}$)

Все аргументы, которые могут быть подставлены в первую формулу (как носители свойства A) являются предметными, аргументы же, которые могут быть подставлены во вторую формулу (как носители свойства B), являются ситуативными.

Выражения *писать*, *читать*, *рисовать* и т.п. могут быть трансформированы: ‘Некоторый объект обладает свойством P (*читать*, *писать*, *рисовать* и т.д.)’, или символически:

$$P(x)$$

Высказывания (т.е. коммуникативные выражения, в отличие от предикатов и аргументов — выражений номинативных)

Девочка читает

Мальчик пишет

Сестра рисует

имеют иную трансформационную характеристику: они включают семантику предиката и семантику аргумента, образуя единую пропозициональную структуру:

$$P(x) \\ Q(x)$$

Формула означает: ‘Предмет x , который обладает свойством Q , обладает свойство P ’ или — с учетом лексического заполнения каждой синтаксической позиции — ‘Предмет, который является девочкой (мальчиком, сестрой), читает (пишет, рисует)’.

Описанные в данной статье классификационные принципы реализованы в модели функциональной грамматики, которая представлена в монографии автора: Kiklewicz 2004.

Литература

Кацнельсон 1972: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972. — 216 с.

Киклевич 1994: Киклевич А. К. О двух дистрибутивных свойствах кванторных слов в русском и польском языках: субстанциональность и множественность // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. — 1994. Bd. 40. — S. 37-51.

Киклевич 1998а: Киклевич А. К. Категория квантификации в славянских языках. — Bochum, 1998. — 56 с. / XII Международный съезд славистов в Кракове. Доклады.

Киклевич 1998б: Киклевич А. К. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. — München: Otto Sagner, 1998. — 298 с.

Леонтьев 1979: Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // *Синтаксис текста*. — М.: Наука, 1979. — С. 18-36.

Откупщикова 1978: Откупщикова М. И. Части речи и местоимения // *Структурная и прикладная лингвистика*. Вып. 1. — Л., 1978. — С. 48-56.

Супрун 1971: Супрун А. Е. Части речи в русском языке. — М.: Просвещение, 1971. — 135 с.

Braunmüller 1985: Braunmüller K. Überlegungen zu einer Theorie der sog. Nebenwortarten // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. — 1985. Bd. 13. — S. 295-309.

Coseriu 1987: Coseriu E. Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik. — Tübingen: Niemeyer Verlag, 1987. — 204 S.

Glinz 1971: Glinz H. Deutsche Grammatik II. Kasussyntax — Nominalstrukturen — Wortarten — Kasusfremdes. — Frankfurt am Main: Athenäum, 1971. — 248 S.

Gramatyka 1984: Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. / Red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbel. — Warszawa: PWN, 1984. — 560 s.

Kiklewicz 2004: Podstawy składni funkcjonalnej. — Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2004. — 298 s.

Piernikarski 1990: Piernikarski C. Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi). — Wrocław etc.: Ossolineum, 1990. — 261 s.

Peyer 1997: Peyer A. Satzverknüpfung — syntaktische und textgrammatische Aspekte. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997. — 315 S.

Wortarten 1992: Wortarten. Beiträge zur Geschichte eines grammatischen Problems. / Hrsg. B. Schaefer, C. Knobloch. — Tübingen: Niemeyer Verlag, 1992. — 392 S.

Kiklewicz Aleksander

About the principles of functional classification in grammar

This article deals with the principles of classification of grammatical units in language. The author of the article considers such principles as functionality, communicative and structural relevance, integration, systematics, positiveness, completion, syncretism, and openness. Besides, the writer applies the methods of contrasting and additional distribution as well as the method of transformation.

Keywords: functional grammar, classification of grammatical units, the principles of grammatical classification.